

Чжоу Цыбай только успел выйти из комнаты на втором этаже, как увидел прилизанного мужика в костюме, который нагло распускал руки рядом с Гу Цзицином. При этом тип, минуту назад назвавший Цзицина «дорогой», стоял рядом и пальцем не шевельнул. В груди Цыбая мгновенно закипела ярость.

Мысли путались: откуда только берутся такие маслянистые подонки, неужели Гу Цзицин совсем не умеет за себя постоять и неужели он вообще не понимает, насколько привлекателен для всякого сброда?

Он был разъярён, но перед этими так называемыми холёными взрослыми мерзавцами не хотел выглядеть незрелым пацаном. Поэтому держался преувеличенно холодно и сдержанно. Его аура в тот момент казалась почти угрожающей.

И надо же было Гу Цзицину внезапно разрушить всю эту суровую маску одной короткой фразой:

— Чжоу Цыбай, ты уверен, что хочешь и дальше вести меня за руку?

Властный и высокомерный юный господин замер на месте, словно подкошенный.

Только сейчас он с опозданием осознал, что действительно сжимает ладонь Гу Цзицина.

Рука оказалась тонкой, с чёткими, изящными косточками. В ней не было девичьей бесплотной мягкости, но по сравнению с обычными парнями пальцы казались удивительно длинными, нежными и гладкими. Когда эта ладонь безвольно лежала в его руке, возникало непередаваемое ощущение — нечто хрупкое, легко ранимое, но вовсе не беспомощное. Это рождало растерянный, но отчаянный порыв уберечь его от всего мира.

Ничего подобного Цыбай не чувствовал, когда касался рук других парней.

Уши Чжоу Цыбая вспыхнули ярким пунцом.

На них всё ещё глазела вся зала. Разжать пальцы прямо сейчас — значит дать Гу Цзицину повод для новых подколов. Справившись с секундным замешательством, Цыбай, несмотря на пылающие уши, сжал ладонь Цзицина ещё крепче и ускорил шаг, увлекая его за собой на второй этаж.

Гу Цзицин почувствовал, что хватка не просто не ослабла, а стала куда увереннее. Он с легким изумлением поднял веки, но быстро всё понял.

Благородный рыцарь никогда и ни при каких обстоятельствах не сложит с себя обязанностей защитника. Жаль только, что защищать ему пришлось совсем не того человека.

Гу Цзицин опустил ресницы и тихо проговорил:

— Спасибо.

Чжоу Цыбай споткнулся на ровном месте, а его уши налились кумачом ещё сильнее.

Когда они наконец поднялись на второй этаж, дедушка Чжоу первым делом оглядел внука и, изогнув бровь, с недоумением спросил:

— Что это у тебя с ушами?

Чжоу Цыбай судорожно выпустил руку Гу Цзицина. Пальцы невольно сжались, храня оставшееся в ладони тепло, а сам он смущённо отвел взгляд:

— Ничего. Просто жарко.

— Жарко ему? — изумился старик. — Вон как кровь бурлит! Идиними пуховик да накинь что-нибудь получше.

Чжоу Цыбай обеспокоенно глянул на спутника:

— А Гу Цзицин...

— Да что с ним делается! Я же не людоед какой, — дедушка Чжоу нетерпеливо стукнул тростью о пол. — Посмотри на себя: мнётся, будто не друга привёл деду представить, а невесту в дом сосватал. Живо иди!

Чжоу Цыбай понимал, что дед не обидит Гу Цзицина. Обнадёживающе кивнув парню, он быстро удалился.

Гу Цзицин остался стоять — прямой, подтянутый, с безупречной осанкой. Он естественно и с глубоким уважением произнёс:

— Здравствуйте, старик Чжоу.

Его манеры были безукоризненны, без тени заискивания или робости, что сразу располагало к себе.

Старик остался искренне доволен:

— Сяо Гу, верно? Сяо Цы говорил, ты недавно к ним перевёлся. Вы на разных факультетах?

— Да, я учусь на математическом.

У Цзицина всегда хватало терпения на разговор со стариками.

Услышав о фундаментальной науке, дедушка Чжоу одобрительно закивал:

— Хорошее дело. Математика — основа всего. Освоишь математику — поймёшь науку, а с наукой и родину поднимать можно! Не то что мой оглоед: отец пошёл дома строить, и этот туда же. Вся разница, что станет очередным лапотным нуворишем!

Закончив, он демонстративно фыркнул.

Глядя на эту поджатую губу и воинственно вскинутую трость, Гу Цзицин чуть улыбнулся. Похоже, в семье Чжоу суровая мужская неловкость передавалась по наследству.

Отец Чжоу Цыбая хоть и начинал с недвижимости, давно возглавлял гигантский холдинг и тратил огромные суммы на благотворительность — назвать его нуворишем не повернулся бы язык. Старик вовсе не презирал сына, просто для людей его поколения, переживших годы, когда стране до зареза нужны были технические специалисты, ученые всегда стояли на порядок выше любых капиталистов.

В этот момент появился переодетый Чжоу Цыбай. Он уже собрался возразить деду, но Гу Цзицин опередил его, неторопливо заговорив:

— На самом деле я как-то видел чертежи Чжоу Цыбая. В его проекте шла речь о доступном и удобном жилье для самых обычных людей. Он хочет использовать свои знания, чтобы дарить людям дом, а для общества это очень важное и благородное дело.

Голос Гу Цзицина звучал мягко, с привычной бархатистой ленцой. Он не давил, но убеждал мгновенно.

Старик растаял, но для порядка снова хмыкнул:

— Ну, хоть какая-то совесть у парня есть. Значит, не впустую я ему с детства про долг перед отчизной твердил.

А Чжоу Цыбай, поправлявший воротник, так и замер на месте.

Он пошёл в архитектуру именно потому, что когда-то вместе с дедом ездил в районы,

пострадавшие от землетрясения. Тогда он своими глазами увидел, как важен надежная крыша над головой для простого человека, и дал себе слово строить дешёвые и добротные дома. Однако сам он считал мечту о «создании дома для каждого» слишком наивной и детской, потому ни с кем ей не делился.

И надо же — Гу Цзицин разглядел её в одном лишь чертеже. Разглядел его самую сокровенную суть.

В ту секунду Чжоу Цыбай не смог бы объяснить, что именно почувствовал. Словно что-то в его груди мягко просело, а затем сердце заколотилось в каком-то безумном, рваном ритме. Он всерьёз забеспокоился, нет ли у них в роду врождённого порока сердца.

Гу Цзицин повернул голову и, встретившись с ним взглядом, с лёгким недоумением моргнул:

— Что-то не так?

Алая родинка у уголка глаза вспыхнула ярким рубином в преломленном свете хрустальной люстры.

Сердце Чжоу Цыбая пропустило ещё один мощный удар. Он так и остался стоять истуканом.

Дедушка Чжоу потерял терпение:

— Ты чего застыл? Язык проглотил?

Цыбай с трудом вернулся к реальности. Смутившись, он отвел глаза и буркнул:

— Да нет... Просто воротник никак не расправлю.

— Высокий вымахал, а руки из одного места растут, — проворчал старик. Впрочем, разглядывать странности обычно сообразительного внука не стал, а просто повернулся к Цзицину: — Сяо Гу, помоги этому недотёпе. Как закончите — садимся за стол. И вот ещё что: сядете с Сяо Цы за молодёжный стол, а то начнутся тут расспросы да попойки, нечего вам, студентам, с пьяными стариками сидеть.

С этими словами он медленно удалился.

Чжоу Цыбай, которого только что распланировали вдоль и поперек, онемел. Ему показалось, что дед всерьёз задумал поменять внука.

Перечить воле пожилых людей — задача неблагодарная. Особенно если они упрямы и своенравны.

Когда Гу Цзицин подошел, чтобы расправить воротник Чжоу Цыбая, он заметил, что у того краснеют не только уши, но и вся шея. Наверное, какая-то редкая особенность организма. Цзицин не придавал этому значения.

А вот Чжоу Цыбай испытывал настоящие муки.

Один бог ведал, насколько невыносимо острым было ощущение, когда тёплое дыхание Гу Цзицина касалось кожи на его шее. Как назло, рубашка оказалась со сложной стойкой и завязками, так что процесс затянулся, превратившись в изощренную пытку.

Даже когда все сели за стол, Цыбай продолжал тупо вспоминать легкие прикосновения чужих пальцев к своей коже.

Между тем гости в зале с нескрываемым изумлением разглядывали Гу Цзицина, усевшегося за главный стол семьи Чжоу — аккуратно под боком у младшего сына Чжоу Хэна.

— А твой братец-то не промах, — Ли Ван издали наблюдал за этой идиллией и желчно ухмылялся. — Уже за семейным столом Чжоу восседает.

Гу Цзюэ, впрочем, ничего подозрительного не заметил. Он лениво разделявал омара и с важным видом отзывался:

— Я же говорил: он у меня красавец, умница, воспитанный. Всем нравится. Ты сам не верил.

«Нравится, говоришь...»

Ли Ван покачивал бокал с красным вином. Вспомнив, как только что потерял лицо перед всеми этими барчуками, он недобро прищурился. Впрочем, тут же вернул себе привычный развязный вид и, подвинувшись к Гу Цзюэ, тихо шепнул:

— Слушай, через пару недель Рождество. Кое-кто устраивает вечеринку в клубе «Фри». Как насчет того, чтобы вытащить твоего братца?

Гу Цзюэ отмахнулся:

— Он не любитель таких тусовок.

— Да ладно тебе, молодые все любители! Даже если твой братец скромник, неужели Чжоу

Цыбаю, у которого есть всё, не захочется поразвлечься? Пускай Гу Цзицин позовёт с собой Чжоу Цыбая. Парни расслабятся, подружатся, а там, глядишь, и к его старшему брату подходы найдутся по поводу той земли.

Сидевшие рядом приятели тут же подхватили:

— Точно! Чжоу Чжэньбай выглядит как правильный сухарь, а вот у младшего на лице написано — тот ещё гуляка. Чем уламливать старшего, проще подмазаться к младшему. Или тебе та земля больше не нужна?

Это был веский аргумент. Гу Цзюэ действительно до зареза нужен был тот участок, да и если Гу Цзицин на короткой ноге с Чжоу Цыбаем, дело выглядело куда надежнее, чем снова унижаться перед отцом Ли Вана.

Он выудил мясо из клешни и кивнул:

— Ладно.

Если удастся выйти на Чжоу Чжэньбая через младшего — это идеальный расклад.

Тем временем за главным столом Чжоу Чжэньбай, задав Гу Цзицину пару вопросов по математике, остался вполне доволен:

— Математика — фундамент большинства наук. У людей с хорошей математической базой безупречная логика и отличное линейное мышление. Из них получаются первоклассные специалисты в любой сфере.

— Ух ты, вот это да! — сидящий рядом мальчуган захлопал глазами. — Брат Цзицин, а ты учишься на математика, чтобы потом стать учителем?

Едва звуки затихли, сидевший напротив Чжоу Цыбай строго сдвинул брови:

— Чжоу Сяюэ, зови его дядей.

— Ещё чего! — проявлял недетское упрямство Сяюэ. — Брат Цзицин такой красивый, значит, он — брат!

— Но он учится вместе с твоим младшим дядей, значит, он тебе тоже дядя, — с абсолютно серьёзной миной разъяснял шестилетнему ребенку Чжоу Цыбай.

Шестилетний ребенок слушать логику отказался категорически:

— Не буду, не буду, не буду! Ты — дядя, а он — брат!

Чжоу Цыбай:

— ...

Ладно, глупо спорить с шестилетним мелким.

С мрачным видом Цыбай уткнулся в тарелку, с досадой орудуя ножом и вилок.

Глядя, как этот гигант не может переспорить первоклассника, Гу Цзицин чуть улыбнулся и мягко проговорил, обращаясь к Сяююэ:

— Брат пока сам не решил, кем станет. Может, учителем, может, профессором в университете, а может, пойдет учиться чему-то ещё.

— Как тебе мое предложение? — вдруг между делом заговорил Чжоу Чжэньбай.

Гу Цзицин слегка растерялся.

Чжоу Чжэньбай, неторопливо подкладывая еду своей супруге, спокойно продолжал:

— Твоя логика, мышление, да и манера держать себя — всё на высоте. Но только когда статус и возможности соответствуют твоим талантам, можно не бояться беды. Помнишь идиому: «Обладание сокровищем навлекает вину»? Впрочем, я лишь подаю идею. Вы, молодые, сами строите свое будущее.

Он тепло улыбнулся.

Фраза прозвучала как обычный светский разговор, но Гу Цзицин всё понял. Семья Чжоу уже в деталях знала, что произошло наверху и какие отношения связывают его с Гу Цзюэ. И этот совет был пропитан искренней мудростью старшего.

Гу Цзицин тихо откликнулся:

— Да, я понимаю. Спасибо вам.

Чжоу Чжэньбай удовлетворенно кивнул. Ему нравилось общаться с умными юношами.

Жаль только, парню не повезло с родственниками. С таким умом в такой семье жить куда горше, чем быть обычным дурачком.

Чжоу Чжэньбай мельком взглянул в сторону сводного брата Цзицина. Тот вместе с компанией таких же сальных барчуков уже успел напиться и всю хохотал над какими-то непристойными шутками.

Затем Чжэньбай перевёл взгляд на окно. На улице разыгралась настоящая метель, дороги занесло, и движение в городе наверняка встало.

Он повернулся к младшему:

— Цыбай, у вас ведь в общежитии комендантский час?

— Да, в одиннадцать закрывают...

Не успел он договорить, как до него дошел смысл вопроса. На часах уже было десять тридцать.

— Сяо Гу, а ты где планируешь ночевать? — ласково поинтересовалась госпожа Чжоу, услышав их разговор.

Гу Цзицин вежливо ответил:

— Наверное, поеду в отель с братом.

— Как же так можно? — госпожа Чжоу, выросшая в избалованной роскоши, была девушкой душевной и прямой. В отличие от мужа, иносказаний она не признавала. — Твои братья выглядят очень ненадежно. Они поедут развлекаться, тебе с ними совсем не по пути.

Гу Цзицин хотел сказать, что всё в порядке, но она перебила:

— А давай ты останешься ночевать у нас?

Палочки Гу Цзицина и вилка Чжоу Цыбая звякнули о тарелки одновременно.

— Невестка, не надо, Гу Цзицин...

— А ну-ка помолчи, я у Сяо Гу спрашиваю! — госпожа Чжоу с надеждой уставилась на Цзицина. — Сяо Юэ сегодня весь вечер пристает ко мне с олимпиадными задачами по математике, а я гуманитарий, у меня уже голова пухнет! Поможешь ему, а?

Гу Цзицин:

— ...

Чжоу Цыбай:

— ...

Прежде чем они успели придумать вежливый отказ, Сяо Юэ сорвался с места и радостно закричал:

— Ура! Брат Цзицин объяснит мне математику!

Чжоу Цыбай с хмурым видом прижал мелкого за плечо к стулу:

— Ты в каком классе? Во втором? Для твоей математики студента математического факультета Цинда задействовать не надо, я сам тебе всё объясню.

Мальчишка тут же скривился:

— Не хочу! Ты злой! А брат Цзицин красивый!

Чжоу Цыбай:

— ...

Он твердо решил конфисковать у мелкого всех фигурки Ультраманов.

Гу Цзицин первым нашёл убедительную причину:

— Спасибо за приглашение, но не стоит. Чжоу Цыбай говорил, что сегодня на праздник приехало много гостей и все комнаты заняты. Если я останусь...

— Так ляжешь в комнате Сяо Цы! — легко хлопнула в ладоши госпожа Чжоу.

Гу Цзицин:

— ...

Чжоу Цыбай:

— ...

— Невестка, это неудобно... — у Чжоу Цыбая при одной мысли о том, что им придется ночевать в одной комнате один на один, в голове вспыхнули совершенно непотребные картины. Забыв обо всём на свете, он попытался возразить.

Но не успел он договорить, как мимо с тростью в руке промаршировал дедушка Чжоу. Старик выдал короткое громкое «Хм!» и отрезал:

— Ерунда! С чего бы это неудобно? У тебя комната огромная, неужели места для такого худенького парня не найдётся? Вы в одном общежитии каждый день бок о бок ночуете, а тут вдруг стесняться вздумал! Мужик ты или кто? Сяо Гу, не слушай его. Будешь спать на его кровати, мыться в его ванной, а я посмотрю, насколько этому богатырю станет «неудобно».

Бросив этот неоспоримый вердикт, глава семейства с величественным видом удалился.

Гу Цзицин и Чжоу Цыбай переглянулись.

Кажется, всё звучало совершенно логично... Но почему тогда на душе было такое странное чувство?

<http://bllate.org/book/20143/1992110>